

Глава 8

Хоу Гуаньцзюнь потратил некоторое время, чтобы объяснить доказательство и применение теоремы, разрешив тем самым мучительные сомнения императора. Но это был лишь начало. «Теорема Пифагора» была лишь отправной точкой в мире логических доказательств, и сложность её заключалась лишь в необходимости привыкнуть к новому, формальному способу мышления. Сразу за ней следовало равенство треугольников. По сравнению с теоремой Пифагора, где хотя бы встречались новые понятия, подобные треугольники и теоремы об окружностях казались до смешного простыми и очевидными. Достаточно было одного взгляда, чтобы запомнить их:

— Два треугольника подобны, если три стороны одного треугольника пропорциональны трём сторонам другого.

— Диаметр делит окружность пополам.

Да это же очевидные вещи!

Легко запомнив эти «очевидные вещи», он небрежно пролистал примеры в учебном пособии, особенно некоторые сложные задачи:

[Докажите, что сумма произведений длин противоположных сторон вписанного в окружность выпуклого четырёхугольника не меньше произведения длин его диагоналей. Обобщите этот вывод для произвольного четырёхугольника.]

Император:

«???»

Он ведь понимал каждое слово по отдельности, но как они могли складываться в одно осмысленное предложение?

Несколько дней император отчаянно барахтался в море задач, и чем больше он барахтался, тем сильнее кружилась голова. Он вёл неравный бой с геометрическими задачами, квадратичными функциями и обратной пропорциональностью — вернее, его избивали в одностороннем порядке — и темп обучения резко замедлился. Он с горечью осознал, что нынешняя математика уже не была той милой и понятной арифметикой, а постепенно показывала свои клыки. Причём клыки эти были двух видов: одни заманивали очевидными, почти тавтологичными теоремами, а затем наносили сокрушительный удар доказательствами, похожими на небесные письма; другие же... увы, другие теоремы и вовсе были сплошной абракадаброй с самого начала, не оставляя ни малейшей надежды на лёгкое понимание.

Конечно, выучить-то всё было можно, вот только времени на это...

Разумеется, в этой тяжёлой и бесплодной борьбе Хо Цюйбин оказывал ему посильную помощь. Однако эффект от неё был невелик. В конце концов, характер хоу Гуаньцзюня был немногословным, он не был красноречивым оратором. Отдать краткий и ясный военный приказ для него не составляло труда, но вот разъяснить, приводить удачные аналогии, с разных сторон и в увлекательной форме излагать сложные абстрактные понятия...

Увы, давайте лучше поговорим о том, как разбить сюнну.

Впрочем, самым невыносимым для императора было не столько собственное поражение в битве со знаниями, сколько контраст с окружающими. Хоу Чанпин Вэй Цин начал изучать математику почти одновременно с ним и сейчас тоже добрался до геометрии и функций. И хотя великий генерал тщательно скрывал свои успехи, император по некоторым признакам безошибочно определил, что для его соратника все эти сложности не представляют никакой проблемы!

«Неужели я оказался самым медленным, самым слабым и самым непонятливым в нашей троице?!»

Неслыханно!

Можно сказать, что это открытие нанесло императору серьёзный удар. Да, он давно признавал, что в военном деле уступает двум своим великим маршалам, но государь должен уметь вести за собой полководцев, а не простых людей. К тому же, Хо Цюйбин был его воспитанником. Блестящие победы ученика лишь доказывали, что тот превзошёл учителя, и свидетельствовали о его, императора, исключительном таланте находить и воспитывать гениев. Такое умение лишь укрепляло его самодовольство.

Но теперь перед ним была суровая реальность, от которой невозможно было отмахнуться. В математике всё просто: либо ты понимаешь, либо нет. А для одарённых людей было даже непонятно, как можно не понимать. Лю Чэ был человеком весьма умным, но по сравнению с Хо Цюйбином и Вэй Цином разница была слишком разительной. Он с горечью подумал, что, возможно, блестящие успехи хоу Гуаньцзюня были не результатом его мудрого наставничества, а следствием врождённого таланта, который позволял юноше побеждать в любых условиях.

«Нет, ребята, от такого действительно пробивает защиту».

Конечно, ханьская троица не сидела сложа руки. Поскольку император У-ди не желал представлять перед пожилой наставницей в роли «Сяо Лю», он часто передавал свои вопросы через Хо Цюйбина, который затем приносил ему ответы. Такая схема была неэффективной и легко выдавала его слабости. Старая госпожа Дэн, примерно разобравшись в уровне знаний этого «господина Лю», однажды деликатно передала через Хо Цюйбина совет — ему, возможно, стоит сосредоточиться на гуманитарном цикле и прикладных технологиях.

Лю Чэ:

«?!»

«Что она имеет в виду?»

Он пришёл в ярость и, нарушив все каноны ханьского уважения к старшим и мудрым, разразился гневной тирадой:

— Нелепость! Какие ещё каноны и уложения я должен у неё изучать? Четверокнижие и Пятикнижие? Или труды ста школ? Мало того, что эти люди невежественны, так они ещё и смеют быть такими самонадеянными!

Да, производительные силы современного мира достигли поразительных высот, вызывая у древних трепет и восхищение. Но, судя по тому, что император успел увидеть за эти месяцы, при всей своей мощи, современные люди в области литературы и классических знаний были далеко не на высоте. Взять хотя бы их хозяина, Му Ци — посмотрите на его каракули! Послушайте его грубую речь! Взгляните на неуклюжие, безграмотные фразы в его повседневных записях! Чему могут научить их так называемые «гуманитарные науки»?

Император пролистал современные учебники по языку и истории. Судя по требованиям программы, тот, кто в старшей школе мог выучить наизусть «Лунь Юй» и «Мэн-цзы», уже считался знатоком словесности. С его, Лю Чэ, литературным образованием и познаниями, стоило ли ему опускаться до такого низкого уровня? Это было бы просто унижительно!

Разговор зашёл в тупик, и тон императора стал откровенно недовольным. Под гнётом его ярости даже Хо Цюйбин не смел проронить ни слова. Но, к всеобщему удивлению, стоявший рядом Вэй Цин заговорил:

— Когда я выходил по делам, я навестил эту уважаемую госпожу Дэн и задал ей пару вопросов. Она сказала мне, что в этот цикл входят не только каноны, стихи и проза, но и более глубокие знания.

Император вскинул бровь:

— Ты тоже виделся с этой старухой?

— Да, — ответил генерал. — Ведь мой официальный статус здесь — дядя Цюйбина...

Для жизни в деревне Счастья ханьской троице требовалась какая-то легенда, подходящие образы для прикрытия. Му Ци, хорошенько подумав, придумал для Хо Цюйбина образ «ловкого, порядочного, но, к сожалению, осиротевшего и не получившего образования в юности хорошего молодого человека». Образ Вэй Цина, соответственно, изменился на «добродушного и великодушного дядю ловкого юноши». Что же касается господина Лю, то его нынешний образ можно было описать как «сварливый папаша с тяжёлым характером, но на

редкость щедрый простофиля». Каждый из них идеально соответствовал их поведению.

Нетрудно догадаться, что из троих самым популярным был именно великий генерал. Хоу Гуаньцзюнь был слишком молчалив и холоден, и, за исключением нескольких покорённых силой хулиганов и проницательной старой госпожи Дэн, сумевшей разглядеть его талант, он не пользовался особой известностью. Настоящим мастером общения, который своим радушием и искренностью завоевал всеобщее расположение, был усердный Вэй Цин.

Говоря прямо, если бы не генерал, который за эти месяцы наладил добрые отношения с соседями, проявлял отзывчивость и благодаря своему дипломатическому таланту заложил прочный фундамент, безумный план императора Сяо-у по завоеванию поддержки народа из-за засухи не имел бы ни малейшего шанса на успех. Подкупать людей мелкими подачками — на словах это просто. Но разве в современном мире люди станут брать бесплатный рис, муку и молоко? Большинство принимали «подарки» не из-за какой-то «милости» правителя, а исключительно из уважения к «дяде Сяо Хо». Готовность принять подношение и поблагодарить — это тоже своего рода доверие.

Без этих способностей, без этого фундамента все замыслы императора были бы здесь неосуществимы. Возможно, его бы даже посадил под домашний арест Му Ци (судя по поведению того в последние дни, такой вариант был не исключён), и Лю Чэ бы превратился в беспомощного, оторванного от мира невежду в этом пёстром современном мире. Учитывая это, он, хоть и был недоволен, был вынужден сдержаться.

— И что она тебе сказала?

— Эта уважаемая наставница дала мне книгу и посоветовала почитать её дома.

— Книгу?

Хоу Чанпин извлёк из-за пазухи учебник в пластиковой обложке и обеими руками протянул его императору:

«Основы знаний по политике, истории и географии».

Хотя совет и был неприятен, император У-ди всё же прислушался к искренней рекомендации своего главного соратника (отчасти, конечно, потому, что учебник по математике ему был уже не по зубам). Промучившись с числами больше полумесяца, он наконец открыл брошюру, которую старая госпожа Дэн передала через Хо Цюйбина.

В конце того же месяца Му Ци, проверяя онлайн-заказы троицы, наткнулся на длинный список книг, купленных господином Лю. Первой в нём значилась:

«Анализ общеупотребительных терминов в политологии».

Му Ци:

«????»

В последующие недели названия книг в списке покупок становились всё более странными. Сначала был «Анализ общеупотребительных терминов в политологии», затем «Очерки истории», «Начальное толкование экономики», после него — «Краткое рассуждение о философии», а затем — «Теория и её практика». И наконец, он увидел самый мощный и сокрушительный удар:

«Материалистическая политическая экономия».

<http://bllate.org/book/16002/1443010>